

Замѣчательно, что съ береговъ Альбіона недавно приходили на Синай христіане и склоняли православныхъ жителей Раиѳы принять ихъ вѣроисповѣданіе. Но Синайская обитель въ этотъ разъ охраняла свою малую паству. А будущее одному Богу извѣстно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ПУТЬ ОТЪ МОНАСТЫРЯ ДО РАЗВАЛИНЪ ГОРОДА ФАРАНА.

Мая 18. Пятница.

Исполнилось желаніе сердца моего. Я видѣлъ богослественный Синай и молился на мѣстахъ явленія Бога пастырю Моусею и пророку Іліи, съ трепетомъ помышляя о собственномъ явленіи предъ Нимъ въ день страшнаго суда.

Исполнилось желаніе сердца моего. Я почтилъ честныя страданія святѣйшей невѣсты Христовой великомученицы Екатерины, и предъ священной ракою ея просилъ Господа уневѣститъ и мою душу, обрученную Ему.

Исполнилось желаніе сердца моего. Я узналъ кріны Христовы, процвѣтшіе въ пустыняхъ Синая. Ихъ благоуханіе врачуетъ меня,

Дѣло мое кончено здѣсь. Пора идти въ другія страны христіанскаго Востока.

Разсвѣло. Монастырскіе служители тихо спустили меня на веревкѣ съ высокой стѣны обители. Переводчикъ мой Ибрагимъ далъ знакъ Бедуинамъ къ отъѣзду. Навьюченные верблюды пошагали по стропотной юдоли. Я перекрестился и съ пустынными старцами пошелъ позади длиннаго поѣзда. Утреній свѣтъ отражался на насъ отъ Хорива, а отъ насъ струились длинныя тѣни къ горѣ святой Епистиміи. Чистѣйшая синева неба поглощала разливъ этого свѣта, а прохлада майскаго утра умѣряла теплоту его. Старцы проводили меня до холма Ааронова и тутъ простились со мною, какъ прощаются братія о Господѣ. На этомъ холмѣ развѣвалось бѣлое знамя съ именемъ царственной великомученицы. Въ монастырѣ звонили во всѣ колокола и стрѣляли изъ пушечекъ и ружей. Горы грохотали. Я молился безмолвно.

5½ часовъ. — Отъ Ааронова холма погонщики навьюченныхъ верблюдовъ моихъ повертели направо въ Уади Шехъ; а я съ переводчикомъ и съ четырьмя проводниками поѣхалъ прямо чрезъ песчаную Рахійскую долину въ ущеліе Накбъ-Хау. Мнѣ хотѣлось видѣть это ущеліе. Чрезъ полчаса мы достигли до высшей плоскости Рахи, съ которой

дождевыя воды текутъ въ двѣ противоположныя стороны, однѣ къ подошвѣ Хорива а другія въ глубь ущелія Хау. Съ этой плоскости невидать священной вершины Синая. Слѣдовательно не здѣсь стояли Израильтяне, когда въ первый разъ Богъ изрѣкалъ имъ десять заповѣдей, и когда они видѣли эту гору дымящуюся (Исход. 20, 18). Проводники говорили мнѣ, что на противоположной сторонѣ ея есть другая обширнѣйшая Раха, и что оттуда виднѣнъ верхній остовъ Синая такъ ясно, какъ видна большая пирамида у Каира. Я пожалѣлъ, что по слабости здоровья не могъ видѣть эту Раху, и вѣря Бедуинамъ, предположилъ, что тамъ въ первый разъ, возвѣщено было десятословіе народу Божію. — Съ высшаго мѣста Рахійской долины, взорамъ представляется великолѣпная картина. Когда тутъ смотришь къ монастырю; видишь гранитную гору св. Епистиміи словно огромный домъ, а Хоривъ словно закругленный алтарь церкви, который возвышается въ концѣ обширной площади, усыпанной пескомъ и обставленной отвѣсными высотами, будто монастырскими келліями. Когда же смотришь въ противоположную сторону; видишь ущеліе Хау межъ багряныхъ горъ, будто тѣсную улицу межъ высокихъ зданій монастырскихъ. Вся эта мѣстность въ связи съ долиною Шехъ представляетъ собою нерукотворенную лавру. Небесный Зодчій отъ вѣчности приготовилъ ее для такихъ избранниковъ своихъ, како-

вы были Ниль, Орентій, Георгій Арселянтъ, Іоаннъ Лѣствичникъ, Іоаннъ епископъ и мученикъ. Подъ вліяніемъ этой мысли я въ послѣдній разъ благоговѣнно взглянулъ на Хоривъ и на св. обитель. Бедуинъ поворотилъ и повелъ моего эджина по другому склону Рахійской долины. Сижу на немъ и громко пою: «неопальная огню, въ синаи причащаяся купина бога яви медленно - язычному и гугнивому мовсеови и проч.» Стезя подо мною понижается, а горы окрестъ меня возвышаются. Это кажущееся движеніе увеселяетъ меня.

6½ часовъ. Въ началѣ Накбійскаго ущелія находится родникъ сладкой воды. Около него растутъ дикія финичія и бѣлыя раскидистыя тополи, всѣ молодыя. За нимъ стропотная дорога пролегаетъ среди безобразныхъ скалъ и бугровъ сѣраго цвѣта, раздѣленныхъ рытвинами. Трудно было ѣхать тутъ на верблюдѣ. Я спѣшилъ въ самомъ высшемъ мѣстѣ ущелія, и оглянувшись назадъ, увидѣлъ часть горы Джебель Муса, съ которой Мовсей примѣтилъ купину. Подлѣ меня шелъ юный Бедуинъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ остановился и началъ пристально смотрѣть на дорогу. Я подумалъ, что онъ отыскиваетъ потерянную вещицу свою. Но переводчикъ повѣдалъ мнѣ, что онъ по верблюжьимъ слѣдамъ, впечатлѣннымъ на песокъ, гадаетъ: когда тутъ проѣхали Бедуины. Мы спросили объ этомъ зоркаго молодца; и онъ не обинуясь сказалъ намъ, что нагруженные

верблюды прошли тутъ вчера въ полдень. Это удивило меня. А Бедуинъ удивился тому, что я удивляюсь, и молвилъ: «мы по слѣдамъ въ песокъ распознаемъ не только время проѣзда каравана, облегченнаго, или нагруженнаго, но даже полъ и возрастъ пѣшеходовъ. Эти слѣды ясно показываютъ намъ: кто прошелъ, старикъ, или возмужалый человѣкъ, юноша или дѣвица, беременная или праздная женщина.» Вотъ глазокъ-смотрокъ! Вотъ совершенство! Невольно пожелаешь его, когда смотришь чрезъ синія стекла. Услышавъ такую новость, я снялъ съ себя очки и началъ протирать ихъ. Юный Бедуинъ попросилъ у меня этой странной для него вещицы, и когда надѣлъ очки на носъ и взглянулъ на горы, запрыгалъ отъ радости и сказалъ: «еслибъ вы подарили мнѣ эти глаза, то я видѣлъ бы, гдѣ серны раждаютъ дѣтенышей своихъ; но вамъ они нужны; возьмите ихъ и любуйтесь нашею прекрасною родиною.» Я вооружилъ свои глаза и, идя, зорко разсматривалъ Накбійскую тѣснину. Она сплошь облицована высокими гранитными горами, которыхъ верхи зазубрены, но не столпообразны. На лѣвой сторонѣ ея узкая стезя извивается между огромными и небольшими камнями, отвалившимися отъ горнаго края, понижаясь волнообразно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, ближе къ выходу изъ тѣснины, она вымощена дикими камнями въ видѣ лѣстницы. А этотъ выходъ очень крутъ и стропотенъ. Тутъ ущеліе вдругъ

обрывается. Съ дороги смотришь въ глубь его и видишь каменные уступы убѣленные и углаженные дождевыми водами, кои въ зимнее время бурнымъ потокомъ стремятся съ нихъ въ сосѣдную долину. Мнѣ кажется, что Накбійское ущеліе образовалось отъ напора потопныхъ водъ, устремившихся съ за-Синайской Рахи въ долину Шехъ. Болѣе полутора часа мы то ѣхали, то шли по этому ущелію. Съ верхней части устья его взорамъ представилась вдали широкая пустыня, уставленная бѣловатыми холмами. Склонъ ея направленъ къ морской сторонѣ Синайскаго полуострова. За нею видны возвышенія Фейранскія и пирамидальныя вершины горы, Банатъ.

15 минутъ 9-го часа. Спустившись съ крутояраго Накба, мы сѣли на верблюдовъ и поѣхали въ прямомъ направленіи къ долинѣ Шехъ, сперва, по глинистой прѣвѣ, потомъ, по глубокому руслу Уади Слафъ между глинистыми стѣнками желтаго цвѣта, далѣе, по широкой, песчаной равнинѣ. ($\frac{3}{4}$ 9-го часа). Эта равнина унизана засохшими кочками, которыхъ колочіе побѣги давно ошипаны верблюдами. У высшей выпуклости ея подлѣ горы Орфъ начинаются двѣ Уади, Гърби и Таалербъ, и направляются въ противоположныя стороны. Первая стелется на юго-востокъ къ долинѣ Шехъ, вторая на юго-западъ къ горѣ Хау. Тутъ видѣнъ растянутый кряжъ Зербала. Проѣхавъ вдоль сей равнины, мы поднялись на вы-

высоту той пустыни, которая видна была изъ устья Накбійскаго ущелія, и долго ѣхали по ней и по руслу Уади Сегебъ, покрытому увядшими кустарниками и кочками. Вся эта мѣстность песчана, дика и неблагообразна. Но она незабвенна для меня. Тутъ я сердечно скорбѣлъ и горько плакалъ объ одномъ присномъ мнѣ чловѣкѣ, который основательно изучилъ многія науки, а не только не вѣдаетъ опытно, — что такое ничѣмъ неплѣняемое сердце, совершенная любовь, вселеніе Христово, нераскищаемость молитвы, обиліе божественнаго озаренія, — не только не имѣетъ того свидѣтельства свыше, которое дается успѣвающему въ благочестіи и въ которомъ не земною тростію пишется: не тщеславенъ, не гнѣвливъ, безкорыстенъ, благосерденъ, любитъ безмолвіе, твердо помнитъ судъ страшный, стяжалъ безстрастную молитву, — но даже лѣниво повторяетъ и часто забываетъ превосходную для всѣхъ азбуку; послушаніе, пощеніе, плачь о грѣхахъ, исповѣдь, смиреніе, трудъ, терпѣніе въ злостраданіяхъ, добровольное уничтоженіе, непамятозлобіе, братолюбіе, кротость, безпристрастіе, отложеніе мірскихъ попеченій, непытливость простосердечной вѣры, незлобіе, и проч. (Смотри 26-е слово преподоб. Іоанна Лѣствичника).

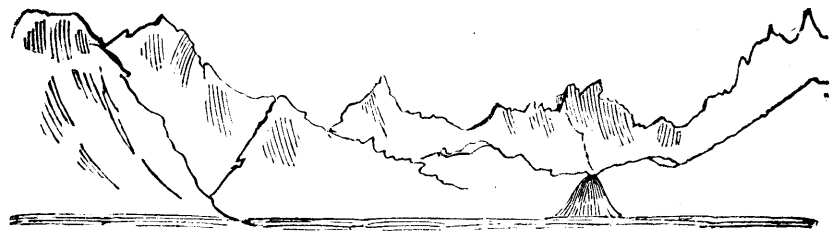
$\frac{3}{4}$ 12 часа. Приближался полдень. Было жарко. Поѣздъ мой вошелъ въ долину Шехъ, и тотчасъ поворотилъ по ней на лѣво къ Зербалу. Эта долина

весьма широка, ровна, чиста, но безводна. Въ ней Амалекиты напали на задній полкъ Израильтянъ, сторожившій ущелія Рутайбе и Хау, и были разбиты Исусомъ Навиномъ.

Ровно въ 12-ть часовъ мы подъѣхали къ утесистому холму, врѣзавшемуся въ эту долину, и у подошвы его расположились отдыхать въ ожиданіи навьюченныхъ верблюдовъ своихъ. Холмъ отбрасывалъ длинную тѣнь. Она послужила намъ вмѣсто простыни на песчаномъ ложѣ.

Въ третьемъ часу по полудни прибылъ караванъ мой. Бедуины, шадя усталыхъ верблюдовъ своихъ, не хотѣли ѣхать далѣе. Надлежало ночевать у холма.

Эта необходимость, въ началѣ тяжкая, подъ конецъ показалась мнѣ пріятною. Вечеромъ, когда солнце скрылось за Зербаломъ, я долго любовался громадными вершинами сей горы.

Мнѣ казалось, что тутъ остановились и огустьли недавно ужасавш іяменя волны Средиземнаго моря. Смотрю на нихъ и говорю самъ себѣ: вотъ эта крайняя справа волна, какъ зыбучая пирамида, обру-

шилась на пароходъ и едва не унесла меня къ Левіаѳану; вотъ по этимъ зубчатымъ всплѣскамъ дымящее судно бѣжало съ подскокомъ, и сотрясаясь, скрипѣло страшно; вотъ съ этой остроконечной волны оно прынуло въ бездну, глуби которой равнялось продолженіе моего страха; изъ этой зіяющей бездны поднялось оно къ небу и бѣжало по вершинамъ зыбучихъ пирамидъ. При такомъ взглядѣ Зербаль былъ вдвое милѣе мнѣ, какъ гранитная картина моего бурнаго плаванія отъ острова Сиры до Александріи въ январѣ настоящаго года. Налюбовавшись этою картиною, я обратилъ вниманіе на холмъ, у котораго довелось ночевать, и замѣтилъ на немъ множество надписей. При видѣ ихъ возрадовалась душа моя. По наблюденіи оказалось, что лицевыя стороны холма покрыты неизвѣстными чертами и рѣзами. Многіе изъ нихъ видны не ясно, а нѣкоторые почти изгладились отъ времени, съѣдающаго лицовину холма, который состоитъ изъ крупно-зернистаго, неплотнаго гранита. Я выбралъ изъ нихъ три яснѣйшія и отподобилъ ихъ *) въ надеждѣ когда нибудь узнать ихъ содержаніе, время и писарей. Тайственные надписи понудили меня осмотрѣть холмъ со всѣхъ сторонъ. Сзади онъ волнистъ и соединенъ съ сосѣдными буграми такъ покато, что тутъ удобно всходить на широкое темя его: а съ

*) Смотри ихъ въ числѣ Синайскихъ надписей.

лица онъ отвѣсенъ и слоистъ. Въ огромныхъ и ноздреватыхъ слояхъ его видны какъ бы выдолбленныя язвины. Въ переднемъ, трисоставномъ углу его, обращенномъ къ востоку, высоко отъ земли изсѣчено сѣдалище для человѣка, либо идола; и къ нему ведетъ тропинка, наклонно изсѣченная въ боку утеса. Явно было, что этотъ холмъ въ древнія времена служилъ сборнымъ мѣстомъ. Люди, чертившіе на немъ загадочныя для насъ надписи, приносили тутъ жертвы, или вели куплю и продажу, или разсуждали о общихъ дѣлахъ своихъ. Вѣроятно, холмъ служилъ имъ вѣчею и жертвенникомъ. Проводники мои называли его *Мокадъ сейдна Муса*, что значитъ, сѣдалище досточтимаго Моусея, и повѣдали, что тутъ отдыхалъ сей великій пророкъ. Это преданіе, котораго простота ручается за глубокую древность его, породило во мнѣ мысль что у сего холма совершилось то, что описано въ оснадцатой главѣ книги Исхода. «Сѣде моусей судити люди: стояху же предъ моусеомъ вси людіе отъ утра до вечера. Видѣвъ же іооръ вся, елика творяше людемъ, рече: что сіе, еже твориши людемъ; почто ты единъ сѣдиши, вси же людіе предстоятъ тебѣ отъ утра до вечера. Рече же моусей тестю: понеже приходятъ людіе ко мнѣ просити суда отъ бога: егда бо бываетъ имъ распря, и приходятъ ко мнѣ, разсуждаю коемуждо. Рече же тесть моусеовъ къ нему: не право ты твориши глаголь сей. Тру-

домъ утудишия несноснымъ и ты, и вси людіе сіи. Нынѣ убо послушай мене, и присовѣтую тебѣ... усмотри себѣ отъ всѣхъ людей мужы сильны, бога боящияся, мужи праведны, и поставиши ихъ надъ ними тысящачальники и стонащачальники и письмоводители. И судятъ людей по вся часы: слово же неудоборѣшительное донесутъ къ тебѣ: малые же суды да судятъ они, и облегчатъ тя, и спомогутъ тебѣ. Послуша же моусей гласа тестя своего, и сотвори вся, елика рече ему.» Изъ предъидущей 17-й и послѣдующей 19-й главы той же книги Исхода видно, что Моусей видѣлся съ тестемъ своимъ въ *Рафидинѣ при горѣ Божіей*, (18, 5) вскорѣ послѣ побѣды Израильтянъ надъ Амалекитами, и что оттуда онъ перешелъ съ народомъ своимъ въ пустыню Синайскую и ополчился *прямо горы сей* (19, 2). Выраженія, *при горѣ Божіей* и *прямо горы сей*, показываютъ, что Рафидинъ находился недалеко отъ Хорива, но въ такомъ разстояніи, что эта гора не видна была оттуда, а Синайская пустыня прилегала къ Хориву такъ близко, что Израильтяне, остановившись въ ней, видѣли эту гору предъ собою. Точно таково положеніе долины Шехъ. Она пролегаетъ не предъ самымъ Хоривомъ, а у подошвы смежныхъ съ нимъ горъ, Хау, Ель-Фрейя и Умлѣзь. Находясь въ ней, Моусей могъ сказать, что онъ видѣлся съ тестемъ своимъ *при горѣ Божіей*, но не сказалъ бы, что свиданіе происходило *прямо горы*

сей, т. е. предъ лицомъ ея. Ибо не видать ее оттуда. Отъ долины Шехъ до Синайской пустыни (нынѣ двѣ Рахи), прилегающей къ самому Хориву съ двухъ сторонъ, сѣверной и южной, ѣздятъ въ одинъ малый день. И Моусей съ народомъ своимъ сдѣлалъ одинъ переходъ изъ Рафидина въ эту пустыню. Стало быть, долина Шехъ соотвѣтствуетъ Рафидину. А такъ какъ тутъ происходило свиданіе Юѳора съ Моусеемъ, и тутъ вождь Израильтянъ, сидя, рѣшалъ дѣла ихъ; то остается признать Шехскій холмъ сборнымъ мѣстомъ сего народа. Подлѣ него раздолье велико, пажитей много, а воду можно было доставать въ ближнемъ ущелии Хау. Я не думаю, чтобы письма на этомъ холмѣ были Еврейскія; ибо подобныхъ имъ нѣтъ нигдѣ въ обѣтованной землѣ, ни на скалахъ, ни на тамошнихъ гробницахъ. Онѣ должны быть древнѣе. Вѣроятно, ихъ начертали первобытные жители Синая Кинеи; и они же устроили тутъ жертвенникъ, или прорицалище. Такъ какъ при холмѣ, о которомъ идетъ рѣчь, Мадіамскій священникъ присовѣтовалъ Моусею весьма мудрое учрежденіе, которое немедленно было исполнено; то это событіе осталось въ памяти Мадіамлянъ, жившихъ на Синаѣ. Проѣзжая мимо сего мѣста, они рассказывали дѣтямъ и внукамъ своимъ, какъ тутъ Моусей судилъ народъ свой, и какъ Юѳоръ научилъ его лучшему порядку въ судопроизводствѣ, и называли холмъ именемъ вождя Израиль-

скаго. Такимъ образомъ преданіе переходило изъ рода въ родъ до тѣхъ Мадіамлянъ, которыхъ видѣлъ въ сосѣднемъ Фаранѣ блаженный Антонинъ мученикъ около 600 года по рождествѣ Христовѣ. А отъ нихъ оно перешло къ Бедуинамъ, прибывшимъ на Синай въ концѣ седьмаго вѣка. Согласіе сего простаго преданія съ новѣствованіемъ книги Исхода о судейскомъ сѣденіи Моусея въ Рафидинѣ, неизбежное приуроченіе этой пустыни къ долинѣ Шехъ, и обрѣтаемость въ ней холма подъ названіемъ, сѣдалище досточтимаго Моусея, заставили меня признать это мѣсто священнымъ. Новое понятіе породило во мнѣ новую радость; и я подъ вліяніемъ сего чувства сладко заснулъ у подножія сѣдалища великаго пророка.

19, Суббота.

Въ половинѣ четвертаго часа послѣ полуночи разбудили меня. Вставъ съ песчанаго ложа, я почувствовалъ обновленіе силъ своихъ и призналъ справедливымъ замѣчаніе Синаитовъ, что пустынный воздухъ, при воздержаніи, способствуетъ возстановленію здоровья слабосильныхъ людей.

20 м. 5 часа. — Скоро Бедуины навьючили верблюдовъ. Поѣздъ мой двинулся. Я пошелъ пѣшкомъ, потому что было холодно. Иду и разсматриваю мѣстности. За холмомъ досточтимаго Моусея

долина Шехъ стелется, то вправо, то влѣво, то прямо. Восходящее солнце грѣетъ тутъ путниковъ сзади, а предъ глазами ихъ высится пирамидальный и зубчатый Зербаль. Одна изъ гранитныхъ вершинъ его имѣетъ видъ кресла. Эта гора весьма хорошо видна до того мѣста, гдѣ долина Шехъ загибается направо и соединяется съ Уади Фейранъ: а оттуда уже не видать ее, потому что дорога пролегаетъ близь горной цѣпи, заслоняющей воздушный просторъ отъ низенькаго человѣка.

Ровно въ 6-ть часовъ мы вѣхали въ Фейранскую долину. Отличительнымъ признакомъ соединенія ея съ Уади Шехъ служитъ большая высота багряныхъ горъ, обрамливающихъ ее съ обѣихъ сторонъ. Эта долина весьма красива. Въ самомъ началѣ оной я увидѣлъ, чего не ожидалъ, именно, роскошныя манновыя деревья (Тарфы), приосѣняющія извилистое русло дождеваго потока. Тутъ ѣдешь, какъ въ саду. Хвойная зелень пріятна очамъ, а тѣнь высокихъ маннъ защищаетъ отъ палящаго солнца.

20 минутъ 7-го часа. Проѣхавъ первый лѣсокъ, мы внезапно очутились предъ тѣснымъ и короткимъ ущелиемъ, или точнѣе сказать, предъ воротами, какъ бы прорубленными въ гранитномъ холмѣ. Отвѣсныя стѣны его, багрянаго цвѣта, подъ яркимъ освѣщеніемъ солнца, блестѣли, какъ стекла. На нихъ я замѣтилъ двѣ загадочныя малыя надписи, одну направо, другую налѣво, почти у самой земли, и

профиль человѣческаго лица съ длиннымъ носомъ и тонкимъ усомъ. Что же представилось за воротами? Таже долина съ тѣмиже деревьями, какъ длинная аллея. Но и она вдали, казалось, замкнута была багряногранитными утесами. Видъ ихъ, мелькавшій сквозь хвойную зелень Тарфъ, чароваль зрѣніе. Когда они разступились предъ нами; мы очутились въ третьей манновой аллеѣ. Тутъ я увидѣлъ предъ собою гору, которая возвышалась надъ своими сосѣдками, какъ пирамида. Бедуины назвали ее мнѣ Джебель Баната и повѣдали, что на этой горѣ и на смѣжной съ нею, называемой Збиръ, водится много оленей и сернь (gazelles) съ прекрасными черными глазами. Счастливо имъ пастись тамъ и пить холодную воду послѣ жирныхъ крастелей Синайскихъ! Можетъ быть, Баната видна и изъ второй аллеи; но я проглядѣлъ ее. Сквозь третью же аллею замѣтилъ между скалами множество наплывовъ желтой глины. Эта аллея въ концѣ своемъ густа, какъ лѣсъ. Въ нынѣшнемъ году манна не уродилась. Проводники говорили мнѣ, что они собираютъ ее чрезъ три года, а собираютъ до восхожденія солнца въ видѣ бѣлыхъ крупинокъ, изъ коихъ инья кругловаты, инья многоугольны и плоски. Эти крупинки появляются не изъ игolocекъ Тарфъ, а изъ-подъ багряной коры ихъ, и слезками падаютъ къ корнямъ на землю. Когда освѣтитъ ихъ солнце; онѣ обращаются въ клейкое вещество. Въ холодномъ же мѣстѣ ихъ можно хра-

нить очень долго въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ падаютъ на землю.

3 минуты 8-го часа. Изъ третьей аллеи поворотъ въ четвертый манновый лѣсокъ довольно крутъ. А за поворотомъ — таже долина и тѣже виды.

10-ть минутъ 8-го часа. Изъ этого лѣса мы вѣхали въ широкій полукругъ, облицованный и какъ бы замкнутый высокими, отвѣсными горами. Тутъ новое зрѣлище представилось намъ. Изъ-за этихъ горъ посматривали на насъ кудрявыя головы Зербала, а сзади прощалась съ нами Баната. Я говорю о сей горѣ такъ, потому что верхъ ея походитъ на согбеннаго лѣтами исполинскаго старца въ остромъ кукулѣ. Въ полукругѣ переднюю гору Бедуины называли мнѣ Джѣбель Мнѣджа. Я подивился ихъ разумной охотѣ давать имена каждому холму, каждой горѣ, каждой скалѣ, всякой долинѣ и дебри, всѣмъ родникамъ воды, и даже травамъ и колючимъ растеніямъ, и продолжалъ любоваться очаровательнымъ полукругомъ, вдоль котораго тихо несъ меня послушный эджинъ. Смотрю влѣво отъ дороги, и вижу у отвѣсной скалы два финичія. Онѣ какъ бы испугались поѣзда моего и стали въ тѣни. Ихъ зелень у темнобагрянаго гранита казалась весьма яркою. Озираюсь кругомъ, и сквозь густой перелѣсокъ маннъ усматриваю въ разныхъ мѣстахъ плодовыея дерева: Гранаты, Гаргады и Сидыры. Ихъ воспитыв-

ваютъ Фаранскіе Бедуины. Ищу взоромъ выхода изъ очарованнаго полукруга.

18-ть минутъ 8-го часа. Онъ вдругъ разступился; и эджинъ мой вошелъ въ узкое ущеліе, отвѣненное финиковыми пальмами. Новое мѣсто, новая красота Синайской природы! Зрѣнію не вѣрится! Но ухо слышитъ шумъ пальмовыхъ вѣтвей, колеблемыхъ вѣтромъ, и руки осязаютъ чешуйную кору деревъ, принесенныхъ, какъ говорятъ Бедуины, изъ рая.

22 минуты 8-го часа. Отъ сего ущелія Уади Фейранъ простирается прямолинейно вдоль горныхъ кряжей. Эти багряные кряжи, ихъ чешуйные отроги и ребра, перехваченные отвѣсными утесами, и между ними финиковыя рощи и манновыя дерева, растущія кружками, надъ деревьями же и утесами свѣтлосинее небо, словно зеркальный потолокъ, все это я не умѣю изобразить, и только чувствую, какъ всемогущъ, премудръ и благъ Творецъ въ самой пустынѣ.

Красота Фейранской долины и обработанные сады въ ней предзнаменовали мнѣ близость древней столицы Синая. Любопытство мое возрастало по мѣрѣ увеличенія удовольствія моего при видѣ изящныхъ предметовъ.

30-ть минутъ 8-го часа. Ъду и съ эджина вижу впереди ручей. Онъ струится по зеленому лужку. Вдоль его пасутся черныя, длинноухія козочки, и бѣлыя курчавыя овечки. Не вѣрю очамъ своимъ.

Припоминаю, что нахожусь въ каменистой пустынь, и думаю, что мнѣ представляется призракъ, или марево. Но эджинъ мой бѣжитъ и начинаетъ пить. Стало быть, течетъ вода! Спускаюсь съ верблюжьяго горба и осязаю — вода! пью — вода! и какая? прозрачная, чистая, холодная, сладкая. Ручей тихо вытекаетъ изъ земли среди юдоли, какъ слеза вытекаетъ изъ ока, и мелко струится узкою полосою къ городу Фарану, котораго однако не видать отсюда. Близъ восточной лунки его образовалась лужа. Поодаль отъ нея Бедуинка сидѣла подъ финичіемъ и стерегла своихъ козъ и овецъ. Подлѣ ней борзилась собака и лаяла на неожиданныхъ пришельцовъ. Не много подальше въ финиковой рошѣ подъ шалашемъ, составленнымъ изъ пальмовыхъ вѣтвей, покоился Бедуинъ: незнаю — садовникъ, хозяинъ, или сторожъ. На лѣво отъ истока ручья стояло каменное корыто. Оно было наполнено водою. На днѣ его лежалъ большой скорпионъ. Однако наши верблюды пили тутъ сладкую влагу, не боясь сего ядовитаго ползаца. Кажется, онъ былъ мертвъ.

Восемь часовъ. У истока ручья поѣздъ мой пробылъ нѣсколько минутъ, и ровно въ восемь часовъ отправился далѣе. И меня посадили на эджина. Онъ пошелъ, но поскользнулся въ лужѣ, упалъ и сбросилъ меня въ воду. Къ счастью, я не ушибся, и моя записная тетрадка не подмокла. Проводникъ оправилъ на эджинѣ всѣ мои вещи и повелъ его за по-

воду. Дорожка извивалась между садами. Скоро показалось Бедуинское кладбище. Оно огорожено обломками камней, воткнутыми въ землю. Въ срединѣ его надъ чьею-то могилою стоитъ мраморный столбикъ. Смотри на этотъ памятникъ, не славы и не тщеславія, а любви, или уваженія къ усопшему, я думалъ, что колонна на могилѣ, первоначально, означала тоже, что знаменуетъ колонна въ храмѣ, т. е. τὸ ἐξὼς καὶ ῥύμιον τοῦ Θεοῦ = вѣчное бытіе Бога *). Кто, первый, водружалъ такой памятникъ надъ прахомъ человѣка, тотъ думалъ: живъ Господь, жива будетъ и душа усопшаго. Вѣра устроила кладбища: она и объясняетъ надгробные памятники. За мѣстомъ вѣчнаго покоя Бедуиновъ опять я увидѣлъ приснотекущій ручей. Черезъ нѣсколько минутъ кончилась Фейранская долина, и показалась обширная котловина. Въ ней стоялъ опустѣвшій городъ. Проводникъ по направленію ручья довелъ меня до ближнихъ развалинъ; и тутъ подлѣ маленькой заводи, наполненной водою, я приказалъ поставить кушу.

Сижу въ ней за деревяннымъ складнымъ столикомъ, и письмоводителю своему скажу путевыя впечатлѣнія. А письмоводитель мой — карандашъ.

Фейранская долина, обставленная гранитными горами и отвѣсными скалами багрянаго цвѣта, накрытая свѣтлосинимъ чистѣйшимъ небомъ, освѣ-

*) Clemens. Alexandr. Strom. 1, 25.

щенная майским солнцемъ, лѣсистая, садовая, тѣнистая, — краса Синая, Эдемъ въ пустынь! Въ ней дышешь самымъ живительнымъ воздухомъ и чувствуешь въ себѣ удвоеніе силъ. Извивчивость горъ придаетъ ей видъ очаровательный. Смотришь вдаль: тамъ долина замкнута скалами. Подъѣзжаешь къ этимъ преградамъ: ихъ нѣтъ. Взглянешь въ глубь неба: подъ нимъ перекрещены пирамидальные верхи горъ. Устремишь взоръ свой къ корнямъ тарфъ: при нихъ видишь кисею, сотканую солнцемъ изъ игольчатого хвоя. Эти тарфы индѣ кустятся отдѣльными кружками, индѣ составляютъ чашу лѣсную, индѣ извиваются, какъ искусственныя аллеи въ саду. Стволы ихъ, одни высятся прямо, другіе откидываются въ стороны, иные стелются по землѣ; и изъ всѣхъ ихъ торчатъ вверхъ молодые побѣги. Зеленый хвой, пріятный очамъ, одѣваетъ ихъ сверху до низу. А Фейранскія горы — заглядѣнье! Онѣ отъ подошвъ до вершинъ испещрены разноцвѣтными полосами: красными, черными, пепловидными, темнозелеными. Эти полосы, по большей части прямыя, торчатъ на темени скалъ, какъ гребни, въ точномъ смыслѣ сего слова; а индѣ на мѣстѣ ихъ видны узкія углубленія, какъ-бы искусственныя канавки. Во многихъ мѣстахъ у утесовъ бугрятся наплывы желтой глины, страннаго вида. Ихъ замѣчалъ я и между скалами высоко отъ уровня Фейранскаго русла. Явно, что они образовались отъ осадки ила, увлекаемаго дождевы-

ми потоками съ окрестныхъ высотъ. Стало быть, на этихъ высотахъ есть ложбины, котловины и наклонно — ровныя мѣста, какъ на Хоривѣ, ель-Фрейѣ и Хамрѣ. Въ руслѣ Фейранской долины попадаются огромные камни бѣлаго цвѣта съ голубыми и синими крапинками. Они весьма гладки, какъ будто выточены токаремъ. Подобоцвѣтныхъ скалъ и горъ тутъ нѣтъ. Стало быть, эти камни занесены сюда изъ другихъ мѣстъ сильнѣйшимъ стремленіемъ водъ. Думаю, что самая возвышенная часть Синайскаго полуострова, гдѣ вѣнцомъ стоятъ горы Ум-Шомаръ, св. Екатерины, Хоривъ, Ед-Деръ, Ель-Фрейя, Хау, Збиръ, Баната и Зербалъ, нѣкогда была покрыта морскою водою, и что въ запертыхъ долинахъ межъ этихъ горъ, послѣ потопа, долго стояли озера, пока не прорыли себѣ выходовъ въ Черное море. Хлынувъ въ эту пучину, они повлекли съ собою многіе камни. Но извивчивость долинъ остановила сія тяжести. Послѣ стока озеръ выросли на Синаѣ тарфы, смерчія, акаціи и разныя злаки. Когда пришли на сей полуостровъ первые жители, Амалекиты и Киней; застали тутъ всѣ эти самородныя растенія и деревья, и нашедши множество родниковъ воды, прозвали новое жилище свое Синаемъ, выразивъ этимъ рѣченіемъ влажность мѣста *). Что касается финиковыхъ пальмъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ; то онѣ пере-

*) Смотри Lexicon Gesenii.

сажены были сюда изъ Аравіи ранѣ рожденія Моисея, который уже засталъ на Синаѣ семьдесятъ стелеховъ финиковыхъ.

Сравниваю Фейранскую долину съ длинною горницею, въ которой потолокъ устроенъ изъ свѣтлосиняго стекла, стѣны обиты багряною тканью, а средина уставлена красивыми деревьями.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

ДЕНЬ ВЪ ФАРАНѢ.

Въ десять часовъ стало жарко. Я омылся въ заводи, и пообѣдавъ, успокоился въ своей кущѣ. Послѣ полудня жаръ усилился. Но были минуты, въ кои съ горъ вѣялъ прохладный вѣтерокъ. При вѣяніи его я ощущалъ на себѣ токъ пламени, гонимый токомъ прохлады, и сравнилъ съ первымъ грѣхъ, а со вторымъ — благодать.

Въ четыре часа по полудни жаръ уменьшился. Любопытство побудило меня обозрѣть мѣстность и развалины города Фарана *).

Эти развалины лежатъ въ большой и ровной котловинѣ, которая образуетъ собою неправильный четверосторонникъ. Вся она обставлена высокими гранитными горами, но такъ что въ четырехъ углахъ ея есть выходы въ четыре долины, называемыя Алеатъ, Мара, и Фейранъ двойный.

*) Смотри планъ его на листѣ 38.